

Г. Ф. БОГАЧ

МОЛДАВСКИЕ ПРЕДАНИЯ, ЗАПИСАННЫЕ ПУШКИНЫМ

В 60-х годах прошлого столетия в русской печати появилось сообщение, что Пушкиным были написаны две повести, оставшиеся неопубликованными, которые он „составил из молдавских преданий“. Это известие принадлежит кишиневскому знакомцу Пушкина и автору воспоминаний о нем И. П. Липранди. Изложив обстоятельства, при которых Пушкин записывал эти предания в Кишиневе, Липранди сообщил и заглавия этих повестей: „Дука, молдавское предание XVII века“ и „Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года“.¹ Содержание этих „повестей“ еще не было раскрыто в достаточной мере в литературе о Пушкине. Настоящая статья и ставит своей задачей восполнить этот пробел.

Подвергать сомнению действительное существование этих, неизвестных в печати, повестей Пушкина не приходится. По всей вероятности их видел и читал (в 1866 году?) редактор „Русского архива“ П. И. Бартнев, напечатавший воспоминания И. П. Липранди в своем журнале. На такое предположение наталкивает, между прочим, его примечание к тому месту в тексте этих воспоминаний, где идет речь об этих исторических повестях Пушкина. П. И. Бартнев заметил по этому поводу: „От себя Пушкин ничего не прибавил тут“.² Высказывалась догадка, что Бартнев, познакомившись с рукописями этих повестей по копиям, которые хранил у себя Липранди, своим примечанием хотел удостоверить „полное их соответствие исторической действительности“.³ Иными словами, Бартнев как будто утверждал, что хранившиеся у Липранди тексты не являются художественными произведениями Пушкина, его „повестями“ в собственном смысле этого слова, как отозвался о них чуждый вопросам художественной

¹ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. „Русский архив“, 1866, № 10, стб. 1408, 1411.

² Там же, стб. 1411.

³ М. и Т. Цявловские. Дневник Долгорукова, „Эвенья“, т. IX, М., 1951-стр. 18.

литературы военный историк; Бартенев видел в них лишь точные записи молдавских преданий, — он не находил здесь элементов поэтического творчества. Если принять эту точку зрения, то становится понятным, как могло случиться, что такой страстный собиратель и публикатор материалов, связанных с Пушкиным, каким был П. И. Бартенев, печатавший даже отдельные варианты его стихов, упустил возможность опубликовать две неизвестные повести великого поэта.¹ Бартенев не считал эти тексты собственно „повестями“ Пушкина. Для публикации же фольклорных записей поэта в 60-е годы время еще не настало. Не исключено, конечно, что, добившись в своей записи близости текста к рассказанным ему устным преданиям, Пушкин и задумывал написать на их основании повести. Но так или иначе, в бумагах Бартенева текстов этих повестей ни в копиях, ни в оригиналах не оказалось и до сих пор они нигде обнаружены не были.

Не зная подлинного текста пушкинских молдавских преданий, мы лишены в настоящее время возможности высказаться по вопросу о том, были ли это записи Пушкина или плоды его собственного творчества. Тем не менее, обстоятельства работы Пушкина над текстом преданий, изложенные Липранди, утверждают нас во мнении, что поэт заботился о точнейшей передаче исторических данных, для проверки которых он и обращался неоднократно к лицам, познакомившим его с этими преданиями.

Тем важнее задача определить, что именно привлекло такое пристальное внимание Пушкина к истории Молдавии.

1

Напомним текст воспоминаний И. П. Липранди, единственный источник, из которого мы знаем о работе Пушкина над молдавскими преданиями:

„Вместе с тем не вижу в собрании его <Пушкина> сочинений даже и намека о двух повестях, которые он составил из молдавских преданий, по рассказам трех главнейших гетеристов: Василия Каравия, Константина Дуки и Пендадеки, преданных Ипсилантием, в числе других, народному проклятию за действие и побег из-под Драгошан, где впрочем и сам Ипсиланти преступно не находился.

¹ Впрочем, М. и Т. Цявловские в цитированной выше вступительной статье к „Дневнику“ Долгорукова выдвигали и другое предположение относительно того, почему П. И. Бартенев не опубликовал эти повести; по их мнению, это могло произойти благодаря их содержанию, из-за цензурных опасений: „И повести эти, бывшие в руках Бартенева, страстного поклонника Пушкина, печатавшего каждую найденную им строчку поэта, остались неопубликованными. Это, конечно, не случайно. Их нельзя было печатать по цензурным условиям. Конечно, в этих повестях должно было говориться о борьбе молдавского народа с его господами, имена которых, очевидно, узнаются в заглавиях...“ (стр. 18—19).

„Василий Каравия был нежинский грек, очень не глупый и с некоторым образованием; он попал в особенную милость к князю Ипсиланти, за варварское убийство мирных турок в Галацах, при самом начале гетерийских действий. Пендадека, тоже родом из Нежина, не лишенный ума и очень хитрый. Он был эфором в сброде (sic!) Ипсиланти, имея чин полковника гетеристов; одно время правил Молдавией (до прибытия князя Георгия Кантакузина, из Тырговист). Дука, родом албанец, человек, в высшей степени замечательный; он был поверенным в делах Али-паши-Янинского, любимец его, владел независимо от греческого, албанского, валахского языков — итальянским (в Албании довольно распространенным) и французским. Долго было бы говорить здесь о его похождениях и о том, как он попал в гетерию. Каравия, Пендадека и Дука были отвержены кишиневским греческим обществом; но я не находил нужным делать того же, напротив, как говорится, приголубил их, особенно Дуку, и в частных беседах с ним извлекал из него то, что мне было нужно. Пушкин часто встречал их у меня и находил большое удовольствие шутить и толковать с ними. От них он заимствовал два предания, в несколько приемов записывал их, и всегда на особенных бумажках. Он уехал в Одессу. Через некоторое время я приехал туда же на несколько дней и, как всегда, остановился в клубном доме у Отона, где основался и Пушкин. Он показал мне составленные повести; но некоторые места в них казались ему неясными, ибо он просто потерял какой-либо лоскуток, и просил меня, чтобы я вновь переспросил Дуку и Пендадеку и выставил бы года лицам, точно ли они находились тогда в Молдавии. Рассказчики времени не знают. «С прозой — беда! — присовокупил он, захохотав. — Хочу попробовать этот первый опыт». Я это исполнил, с дополнением еще, от случайно в это время ко мне вошедшего Скуфо, также одного из проклятых Ипсилантием, и вскоре передал Пушкину. Месяца через два потом, когда я был в Одессе, Пушкин поспешил мне сказать, что он все сказания привел в порядок, но, не будучи совершенно доволен, отдал прочитать одному доброму приятелю (кажется, Василью Ивановичу Туманскому) и обещал взять от него и показать мне. Он это исполнил на другой день, прочитал сам, прося, если он в чем сбился, и я помню рассказ, то ему заметить. Сколько я помнил, то поправлять слышанное мною было нечего, тем более, что я не постоянно находился, когда ему передавали рассказ. Я нашел, разумеется, что всё очень хорошо. Предмет повестей вовсе не занимал меня: он не входил в круг моего сборника; но, чтобы польстить Пушкину, — я просил позволения переписать и тотчас послал за писарем; на другой день это было окончено. В рукописи Пушкина было уже много переделок другой рукой, и он мне сказал, что в этот же вечер опять отдаст оную на пересмотр, что ему самому как-то не нравится. Что сделалось потом, я не знаю, но у меня остались помянутые копии, одна, под заглавием: «Дука, молдавское пре-

дание XVII века»; вторая: «Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года».¹

Располагая этими подробными данными, сообщенными современником поэта, прежде всего надо всё же выяснить вопрос: входили ли интересы Пушкина к истории молдавского народа в круг тем, занимавших его в 1820—1824 годах. Бесспорно, Пушкин интересовался историей Молдавии, историей края и народа, среди которого он жил в период своей ссылки.

„Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас:

*Она Державиным воспета,
И славой русскою полна“,—*

писал Пушкин в „Примечаниях к «Цыганам»“ (XI, 22).² Он читал, как нам сообщают воспоминания того же И. П. Липранди, труд молдавского историка Димитрия Кантемира „Историческое, географическое и политическое описание Молдавии“:³

„Начало рассветать, когда я ему показал, чрез Прут, молдавский городок Фальчи. Не отвечая, он задумался... и потом сказал, что он где-то читал о Фальчи, но теперь не может вспомнить; когда же я ему назвал Кантемира, он вдруг припомнил всё...“.⁴ Его занимали курганы, обильно рассыпанные по Бессарабии, и крепости — памятники беспокойного прошлого страны.⁵

Об осведомленности Пушкина в истории молдавского края говорят стихи о „воинственных могилах“ в окрестностях Бендер в эпилоге „Полтавы“; о решающей роли русского народа в освобождении Молдавии от иноземных поработителей напоминают стихи в эпилоге „Цыган“:

*В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал...*

¹ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. „Русский архив“, 1866, № 10, стб. 1408—1411. Эти свидетельства Липранди многократно перепечатывались. последний раз в книге „Пушкин в воспоминаниях современников“ (Гослитиздат, 1950, стр. 269—270), без комментариев, в которых содержались бы какие-либо новые соображения; об интересующих нас повестях здесь сказано только: „Никаких следов этих произведений Пушкина не осталось“ (стр. 545).

² Здесь и в дальнейшем цитируется по изданию: Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. Академии Наук СССР, 1937—1949.

³ Произведение Димитрия Кантемира „Историческое, географическое и политическое описание Молдавии“ вышло в русском переводе (с оригинала, писанного на латинском языке) в Москве в 1789 году. В указанном месте своих воспоминаний И. П. Липранди говорит именно об этой работе Кантемира-отца, ученостью и образованностью которого так восхищался в 1845 году В. Г. Белинский (см.: В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IX, 1910, стр. 184—185).

⁴ „Русский архив“, 1866, № 8—9, стб. 1282.

⁵ Об интересе Пушкина к Бессарабии см. там же, стб. 1271, 1272, 1279, 1280, 1282.

Ссылного поэта привлекали также молдавские предания, указывавшие место изгнания Овидия якобы в южной Бессарабии (вместо Добруджи, на правом берегу Дуная, на черноморском побережье):

Еще твоей молвой наполнен сей предел...

(„К Овидию“).

Пушкин сопоставлял свою судьбу с судьбой римского поэта. Об этом, в частности, идет речь в целом ряде его посланий 1821 года: Гнедичу, Чаадаеву, в стихотворении „К Овидию“.

Не меньше истории интересовала Пушкина окружавшая его действительность. Страстного певца свободы, ненавистника крепостного права восхищало якобы „свободное“ состояние крестьян в Бессарабии. Он отмечал это в так называемых „Примечаниях к «Цыганам»“:

„В Молдавии цыгане составляют большую часть народонаселения, но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть <?> только между сих смиренных приверженцев первобытной свободы“ (XI, 22).

Ту же мысль — о независимости молдавских крестьян (царан) — угадываем мы в его стихотворении „К Овидию“. Рисуя благодатную южную природу, поразившую ссылного поэта, вместо ожидавшихся им печальных картин, внушенных чтением Овидия, Пушкин, с подъемом, вызванным глубоким внутренним чувством, противопоставляет русской зиме южное солнце и „свободу“ земледельцев:

Зима дышала там — а с внешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младую зеленью пестрел увядший луг;
Свободные¹ поля взрывал уж ранний плуг.

Однако представление Пушкина о „свободе“ крестьян Молдавии было иллюзорным. Такую точку зрения на положение вещей могли сообщить Пушкину только молдавские бояре. Уже в XIX веке русские исследователи молдавского крестьянства высказались по этому вопросу в совершенно противоположном смысле. „Действительный анализ практического социально-экономического положения царан <крестьян>, — пишет советский историк, — убеждает нас в том, что личная свобода царан была, в основном, формальной, фактически же чрезвычайно ограниченной и условной. Не имея собственной земли, царане вынуждены были за тяжелые повинности пользоваться помещичьей землей, тем самым становились экономически зависимыми от помещиков, на землях которых они были поселены“.² Что же касается

¹ Курсив мой, — Г. Б.

² Я. С. Гросул. Крестьянская реформа 1868 г. в Бессарабии и ее особенности. „Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исследовательской базы Академии Наук СССР“, т. II, Кишинев, 1949, стр. 82.

крепостного состояния цыган, называвшихся в грамотах „холопами“, то другой советский исследователь пишет, что они „находились в Молдавии на положении рабов. Так их и называют документы, написанные на молдавском языке... Начавшись в XV веке, торговля холопами достигла значительных размеров в XVI—XVII веках. Феодалы продавали детей холопов, их жен, отрывая их самих от семей. Холопов меняли, закладывали, передавали по наследству, давали в приданое. Феодалы смотрели на холопа, как на какую-то вещь“.¹

С восторгом следил Пушкин за протекавшей у него на глазах национально-освободительной борьбой греческого, молдавского и других балканских народов против турецкого гнета. В известном письме к приятелю (В. Л. Давыдову?) поэт пишет про „прекрасные минуты Надежды и Свободы“, наступившие для греческого народа (XIII, 23). „Два великие народа, — писал Пушкин, — давно падших в презрительное ничтожество, в одно время восстают из праха — и, возобновленные, являются на политическом поприще мира“ (XIII, 24). Эпитету „великие“ народы в черновике предшествовал другой не менее выразительный: „Два благородных народа“ (XIII, 370). В этих восхищенных оценках восставших греков и их союзников — молдаван содержатся намеки на отдаленную историю этих народов.

Еще не раскрыта конкретная основа очень значительных стихов, говорящих о беспокойстве, в которое приводила вольнолюбивая поэзия Пушкина косных молдавских бояр:

Далече северной столицы
Забыл я вечный ваш туман,
И вольный глас моей цевницы
Тревожит сонных молдаван.

(„В стране, где Юлей венчаный“).

В сопоставлении с приведенными свидетельствами об интересе Пушкина, общавшегося с представителями молдавской интеллигенции, к истории края мы видим, насколько закономерными и естественными могли быть его занятия молдавскими преданиями прошлого. И это представляется тем более правдоподобным, что в молдавской среде, как увидим, названные предания XVII века должны были во время пребывания Пушкина в Кишиневе восприниматься как весьма актуальные и, более того, злободневные.

2

При гипотетическом раскрытии содержания утерянных молдавских повестей Пушкина следует исходить из содержащихся в их заглавиях

¹ Е. М. Руссев. Развитие феодально-крепостнических отношений в Молдавии в XVI—XVII вв. „Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков“. Сборник статей. Под редакцией чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцова и проф. Л. В. Черепнина, Кишинев, 1950, стр. 79—80.

собственных имен, а также из указаний на время, к которому относилось действие.

Дабижа и Дука, предания о которых записал Пушкин, были молдавскими господарями XVII века. Господарь Истрат (Евстратий) Дабижа княжил в 1662—1665 годах; Георгий Дука трижды находился на молдавском престоле: в 1665—1666 (шесть месяцев); в 1669—1672 и в 1678—1684 годах. Дафна (иначе — Дафина), судя по молдавским источникам (летописи, местный актовый материал), была женой Дабижи. На дочери Дафны (летописцы именуют ее Анастасией) женился иноземец Дука. Благодаря этому браку с падчерицей Дабижи Дука сумел впоследствии добиться княжения в Молдавии.

Эпоха княжения Дабижи и Дуки, а отчасти и личности самих господарей отражены в нескольких молдавских летописях. Достоверные сведения об этих господарях оставил в своей летописи выдающийся молдавский писатель-хронист Ион Некулче (1672—1746). Он описал события Молдавии периода 1662—1744 годов.¹ Интересующий нас период этот летописец изложил частично со слов стариков-современников. Красочно повествует о событиях примерно этого же периода (1662—1711) другой молдавский летописец Николай Костин (1660—1712).² Имеется еще и третья (компилятивная) летопись, автором которой предположительно является Николай Мусте, описавший период 1662—1726 годов.³ Известен также и сокращенный ее вариант.⁴ Существует, наконец, и перевод на молдавский язык (выполненный Александром Амирас) летописи, писанной в Молдавии первоначально на греческом языке. Летопись эта также охватывает интересующий нас период (1662—1733).⁵

Основные сведения, сообщаемые в указанных летописях, подтверждаются и в трудах выдающегося молдавского историка Димитрия Кантемира (1663—1723).⁶

Перечисленные труды молдавских летописцев, являвшихся почти современниками интересующих нас событий, составляют первый и наиболее достоверный источник для изучения деятельности Дабижи и Дуки. Ценные, но отрывочные дополнительные сведения об интере-

¹ Letopisețele Moldaviei . . . , т. II, стр. 177—421. Все приводимые ниже в переводе выдержки из летописи Некулче взяты нами из этой книги, где они напечатаны на стр. 192—195 (период княжения Дабижи) и на стр. 195—196, 197—201 и 214—223 (княжение Дуки).

² Там же, стр. 3—117. О Дабиже см. стр. 3—5; о Дуке — стр. 5—6, 7—8 и 17—30.

³ То же, т. III, стр. 3—5 (Дабижа) и стр. 5—6, 6—9, 19—22 (Дука).

⁴ Там же, стр. 77—95.

⁵ Там же, стр. 99—180; о Дабиже см. стр. 99; о Дуке — стр. 99—103, 105—108.

⁶ О Дабиже и Дуке Димитрий Кантемир упоминает в двух своих основных исторических работах: в уже упомянутом „Историческом, географическом и политическом описании Молдавии“ (русский перевод 1789 года) и в „Истории оттоманской империи“ (русского перевода не имеется).

сующих нас лицах имеются в многочисленных документах господарских канцелярий, в мемуарах и переписке иностранных путешественников и дипломатов. Однако и иностранцы, и дьяки господарских канцелярий, как и упомянутые выше летописцы, принадлежали исключительно к классу феодалов. Изложение и освещение событий внутренней и внешней политики страны велось ими с позиций господствующего класса того времени. Так, например, все названные молдавские летописцы выступали в своих работах как ревностные поборники боярских привилегий. Деятельность Дабижи и Дуки они рассматривали с точки зрения ярых противников сильной центральной власти. Следовательно, для интересующих нас целей те данные, которые сообщаются в летописях и официальных документах, нас удовлетворить не могут. Едва ли эти данные соответствовали тому представлению о господарях, которое складывалось о них в народе и которое через полтора столетия могло сложиться о них у Пушкина.

Для характеристики личности Дуки мы еще располагаем очень выразительной молдавской народной песней. Однако для раскрытия содержания повестей Пушкина — или даже одной из них — этот материал недостаточен, поскольку народная песня дает лишь характеристику, образ действующего лица и не говорит о событиях, с этим лицом связанных. Нам нужна канва этих событий, на изложении которых можно было бы построить повествование. Обратимся поэтому к последней группе источников, которые следует привлечь к изучению утраченных повестей Пушкина, — к молдавской литературе XIX века.

В этой литературе, до появления в 1852 году в печати первого издания молдавских летописей, которые могли возродить интерес читателей к господарям XVII века, имена Дабижи и Дуки встречаются у четырех писателей. Если у Костакия Конаки (1777—1849), Костакия Негруци (1800—1868) и Александра Руссо (1819—1859) Дабижа и Дука упоминаются лишь вскользь, то произведения братьев Александра Хыждэу (1811—1872) и Болеслава Хыждэу сразу привлекают к себе наше внимание.

„Дука. Молдавское предание“ — под таким заглавием (совпадающим с пушкинским) была напечатана на русском языке, в „Вестнике Европы“ 1830 года,¹ легенда в записи Александра Фаддеевича Хыждэу (Хыждеу), в то время девятнадцатилетнего студента Харьковского университета, впоследствии выдающегося деятеля молдавской культуры. Позднее Александр Хыждэу включил текст легенды о Дуке, уже на молдавском языке, в свою историческую повесть „Домния Арнеутулуй“ (т. е. „Государство албанца“), вышедшую в свет впервые лишь

¹ Александр Хыждеу. Дука. Молдавское предание. „Вестник Европы“, 1830, № 23—24, декабрь, стр. 181—207.

в 1872 году.¹ В этом же молдавском варианте преданию о Дуке предшествует как бы пролог, заключающий в себе предание о „Дафне и Дабиже“.

Болеславом Хыждэу, братом Александра, в 1834 году записаны были два другие эпизода тех же преданий; в печати они появились в 1838 году.² Легенда о Дабиже в записи Александра Хыждэу совпадает с прологом молдавского варианта преданий, изложенных им же. Во второй легенде Болеслав записал эпизод борьбы молдавского боярства, под предводительством Гинкула, против Дуки.

Как видим, братья Хыждэу интерпретировали в литературе легенды именно о тех же людях, предания о которых до них записывал Пушкин.

Может быть, в таком случае, для ознакомления с тематикой утерянных пушкинских вариантов преданий достаточно ограничиться одним произведением Александра Хыждэу?

На этот вопрос также ответим отрицательно, и вот почему. Братья Александр и Болеслав Хыждэу были потомками сменившего Дуку господаря Штефана Петричейку Хыждэу. Александр Хыждэу утверждает (в своей повести, в издании 1872 года), что его текст соответствует преданиям и историческим источникам. Свой русский вариант преданий Александр Хыждэу снабдил многочисленными ссылками и цитатами из молдавских и валашских летописных списков.

Так же поступил и Болеслав, опиравшийся якобы на высказывания некоего молдавского летописца Нестора Уреке. Между тем ни одна из приведенных Александром цитат из „списков“ летописей не обнаружена нами в критических изданиях текстов молдавских летописей. Все эти цитаты и ссылки на них являются, таким образом, вымышленными полностью. Следуя, в общем, исторической правде, братья Хыждэу, однако, выводят на сцену и таких героев, существование которых не подтверждается ни летописями, ни актовым материалом.³

В повести Александра обращает на себя внимание и слишком положительный (по сравнению с характеристиками летописцев) образ господаря Штефана Петричейку, потомками которого были авторы повестей.

Имя Дафна (по летописи — Дафина) дано братьями Хыждэу не жене Дабижи (как она значится в летописях и в молдавском актовом материале), а героине повести, его дочери, будущей жене Дуки.

¹ Alexandru Hâs dău. *Domnia Arnăutului. Nuvelă istorică*, București, 1872.

² Болеслав Хыждеу. Молдавские легенды (Дабижа. Молдавская быль XVII века. Гинкул. Молдавское предание XVII века). „Сын отечества и Северный архив“, 1838, т. I, отд. I, стр. 230—249. Впервые эти молдавские легенды в записи Б. Хыждэу были привлечены к исследованиям пушкинского наследия Б. В. Томашевским, которому мы обязаны указанием на эти источники.

³ Укажем здесь лишь на следующее: армянин Ованес Паскал и его дочь Ханка не фигурируют ни в летописях, ни в молдавском актовом материале. Нет в молдавских источниках и подтверждений реального существования капитана Рошки или Минорашко (из летописей нам известен лишь палач Рошка, каздивший Дону, сына Хынкула).

Тирана Дуку Александр Хыждэу называет Димитрием, а Боле-слав — Василием, тогда как его звали Георгием. Укажем, наконец, и на то, что Дука умер в Польше, а не в Молдавии, как об этом говорится в повести Хыждэу.

Всё это при обилии элементов романтики дает нам основание считать произведения Хыждэу не записью реально сохранившихся в народе преданий об этих лицах, а их художественной интерпретацией.

Таким образом, ни летописи, ни актовый материал, ни донесения дипломатов, ни произведения братьев Хыждэу, ни даже народная песня, в которой дана характеристика Дуки, отдельно взятые, нас удовлетворить не могут. Повидимому, для восстановления вероятного содержания утерянных пушкинских повестей необходимо прежде всего, сопоставив все указанные источники друг с другом, выделить из них всё то, что в них совпадает, что является для них общим. Именно эти общие элементы преданий, их устойчивые, повторяющиеся во всех случаях черты, независимо от жанровых признаков отдельных источников и времени их возникновения, и должны были составлять сюжетную основу этих преданий; ею-то и должен был воспользоваться Пушкин в своих записях.

Обратимся к историческим образам интересующих нас правителей Молдавии и к реконструкции сюжетного хода в преданиях о них.

3

Четырехлетнее княжение молдавского господаря Истрата Дабижи (1661—1665) оценивается положительно всеми молдавскими боярами-летописцами. Выходец из местного боярства, Дабижа и не помышлял возвыситься до звания господаря (Мусте).¹ „Никто из бояр не состоял на подозрении у него, и страна не была обременена податями“ (Мусте, Некулче, Амирас). Летопись Некулче указывает и на внимание Дабижи к простым людям.

Летописцы, актовый материал и переписка иностранных дипломатов отмечают участие Дабижи во главе молдавского войска в двух походах турок против австрийцев. Второй поход закончился полной неудачей. Сбежавшему с поля боя господарю грозило свержение с престола. Однако взирь простил Дабиже его поступок. Этому обстоятельству способствовали „добрые советы“, полученные господарем от приближенных, либо от боярина Кантакузина (Н. Костин), либо от боярина Стамати (Некулче, Мусте). Умер Дабижа, по сведениям всех источников, стариком и был похоронен с большими почестями (летописи).

¹ Здесь и далее имена молдавских летописцев, приводимые нами в скобках, означают, что цитаты или необходимые данные взяты у соответствующих авторов по изданиям, указанным выше.

Еще при жизни Дабижи его жена Дафина выдала замуж свою дочь от первого мужа за Дуку. Этот Дука, грек по происхождению, был родом из Албании. Он попал в Молдавию еще в детстве. Вначале он служил продавцом, затем прислужником в господарском дворе, после чего и был произведен в боярство. Уже будучи государственным назначаем, он женился на падчерице господаря Дабижи (летописцы называют ее Анастасией). После смерти господаря Дафина добилась в Константинополе назначения своего зятя на княжеский престол в Молдавии.

Некулче и Мусте указывают, что Дука оказался на молдавском престоле по ходатайству своей тещи и некоторых бояр-греков, имевших вес при султানে. Димитрий Кантемир также говорит, что Дука не был „избран“, а добился престола с помощью денег и друзей.¹

Венецианский дипломатический деятель Балларино в корреспонденции от 6 декабря 1665 года из Константинополя также утверждает, что на молдавский престол Дука попал, подкупив вначале некоего Панайоти, пользовавшегося в Константинополе большим авторитетом.² Рода Дука был незнатного, и родился он, по сведению другого иностранца, путешественника, где-то на Балканах.³

Несколько иначе представлено возвышение Дуки на княжеский престол молдавским писателем Александром Хыждэу и его братом Болеславом.

Красавица Дафна, выступающая в повести Хыждэу как дочь Дабижи, решила поступить в монастырь. В нее влюблен Дука, пришелец из Албании, находившийся с детства в Молдавии и дослужившийся здесь до боярского чина. Дафна не любит никого. Перед поступлением Дафны в монастырь ее отец Дабижа устраивает прощальный обед. К концу пира господарь посылает Дуку за митрополитом и епископом для последнего благословения дочери. Выйдя во двор, Дука поджигает дворец, а потом в общем смятении, преодолевая и некоторую опасность, „спасает“ от смерти и Дабижу, и Дафну. Вскоре пожар был потушен. „Таково предание, — пишет Александр Хыждэу, — о началах величия арнаута Димитрия Дуки“.

¹ См. румынский перевод работы Д. Кантемира по истории османской империи: D. Cantemir. Istoria imperiului ottoman. Traducere de Dr. Jos. Hodosiu, vol. I, București, 1876, стр. 406—407.

² Сведения из переписки иностранных дипломатов заимствуются нами из многого собрания иностранных документов, относящихся к истории Молдавии и Валахии: „Documente privitoare la Istoria Românilor“, изданного в Бухаресте в начале XX века. Приводим в переводе текст этого свидетельства: „Два веских доказательства своего авторитета, — писал Балларино, — показал он <Панайоти> в короткое время... Второе в том, что он выдвинул господарем для молдавского княжества грека Дуку, который добился его покровительства ценою золота“ (Documente privitoare la Istoria Românilor, т. V, ч. 2, стр. 108).

³ N. Jorga. Istoria Românilor prin călători, vol. II, ed. II, București, 1929, стр. 69.

Сходными словами передана легенда и Болеславом Хыждэу: „Таково предание молдавского народа о начале величия арнаута Василия Дуки! Зажегши дворец и спасши во время пожара князя и княжну, он получил в благодарность руку последней и тем проложил себе путь к престолу, на который взошел по смерти своего тестя, господаря Истрата Дабижи“.

Братья Хыждэу точно определяют направленность тематики легенды о Дафне и Дабиже: в этом предании отмечаются первые шаги Дуки и хитрость, приведшая его к возвышению.

Как это легко заметить, извлеченные из разных источников сведения о Дафне и Дабиже совпадают в самых общих чертах. Дабижа, действительно, как раз в указанное в заглавии повести Пушкина время (1663) находился на молдавском престоле. Период княжения Дабижи, ранее не претендовавшего на престол, освещается положительно и летописцами-боярами, и в художественной интерпретации А. Хыждэу. На падчерице (или дочери) Дабижи женился пришлец-грек незнатного рода — Дука. Затем, после смерти Дабижи, всевозможными хитростями или „ценою золота“ Дука захватил престол молдавского княжества.

Итак, повидимому, содержанием той легенды, которую записывал Пушкин, являлось описание сравнительного „благополучия“ страны во время княжения молдаванина Дабижи и женитьба пришлеца Дуки на дочери господаря. Сведения летописцев, местного актового материала и повести XIX века о женитьбе Дуки на падчерице (или дочери) господаря совпадают. Не отмечен лишь ни молдавскими летописями, ни актовым материалом пожар, случившийся во дворце во время пира (между тем другие пожары княжеского дворца летописцы отмечают). Не совпадают в источниках и в повестях также имена Дуки и его жены.

Может быть, этот эпизод (пожар) относится уже к области вымысла, как и решение Дафны идти в монастырь, и прощальный пир у ее отца, и спасение поджигателем Дабижи и Дафны.

Кульминационным пунктом легенды можно признать эпизод, послуживший причиной восхождения пришлеца на престол. Дука добывается его благодаря знакомым грекам, „ценою золота“ или „ложным героизмом“, после того как „спасает“ господаря и его дочь (или падчерицу), свою будущую жену, из подоженного им самим дворца. Возможно, что 1663 год, указанный в записи Пушкина, как раз и есть год женитьбы исторического Дуки на дочери жены Дабижи. Однако принятые нами поиски данных для установления года свадьбы Дуки не дали пока никаких результатов.

Другую основу интересующего нас предания о Дафне и Дабиже, на основании имеющихся в нашем распоряжении источников, предположить невозможно. Следует считать, что данная легенда является как бы прологом ко второму преданию о Дуке, более занимательному и с легче восстанавливаемой последовательностью изложенных в нем событий.

4

Основные сведения, сообщенные известными уже нам четырьмя молдавскими летописцами и Д. Кантемиром о личности и деятельности господаря Георгия Дуки, совпадают почти полностью. Эти основные сведения подтверждают и остальные источники: народные песни, актывый материал и переписка иностранцев. Как увидим ниже, со всеми этими данными совпадает и художественная интерпретация их у Александра Хыждэу.

В Молдавии Дука княжил трижды. Первому его княжению (1665—1666), продолжавшемуся всего шесть месяцев, летописцы-бояре единогласно дают лучшую характеристику. Время же второго и третьего княжения Дуки (1669—1672 и 1678—1684) все летописцы характеризуют как наиболее беспокойные и тяжелые периоды истории Молдавии.

Тяжелые подати, наложенные господарем как на трудовой народ, так и на бояр, а также и то, что иноземец Дука „не приближал ко дворцу и не возвышал в чинах часть боярства“ (Н. Костин), вызвали вооруженную борьбу части бояр (под предводительством Михалчи Хынкула) с господарем. Наряду с этим против боярства поднимались вооруженные восстания крестьян, которыми пытались воспользоваться в своих интересах отдельные группировки боярства.

Однако летом 1672 года Дука был смещен султаном. В третий раз он получил престол через шесть лет (1678—1684). В это время он вновь обременял народ тяжелыми податями и подвергал его жестоким наказаниям.

Для краткости приведем лишь высказывания, приписываемые тому же летописцу Н. Костину: „Господарь накладывал огромные денежные притеснения на всех, и на бояр, и на торговцев, и на всю страну, мучая и подвергая всех разным казням. Одних он сажал в тюрьму, других калечил побоями и булатом, доводя их до смерти, как об этом уже писалось выше. Он не щадил ни боярина, ни бедняка, ни крестьянина, ни женщину...“. От всех этих жестокостей страна начала опустошаться и беднеть.

По распоряжениям господаря были заточены в темницы вдовы некоторых видных бояр (среди них и жена боярина Стамати). Жестоко отомстил Дука и предводителю мятежа Хынкулу, память о котором сохранилась и по сей день в молдавском фольклоре: по его повелению был схвачен и казнен ни в чем неповинный сын Хынкула, Доня.

Подробно изложив тиранство господаря, тот же Костин добавлял: „Многие из читателей, узнав об описанных здесь ужасных проявлениях тиранства, могут этому и не поверить. Может быть, кто-нибудь подумает, что писавший всё это завидовал господарю... Но я беру себе в свидетели бога и ссылаюсь на подтверждение всей Молдавии, от великого до малого, пусть все они подтвердят, верно ли всё это (однако тяжело не писать об этом, так как говорится же в священном писании, что если будут молчать люди, даже и сами камни заговорят).

И не только местные пострадавшие люди, но и чужие люди из окружающих стран, албанцы, венгры и другие, жившие в те времена и видевшие страдания молдаван, проклинали Дуку, а все в целом они сочувствовали жителям Молдавии“.

Вослужившись перед турками, Дука получает, правда, на короткое время, одновременно со званием господаря Молдавии, и титул гетмана Украины. После поражения турок под Веной (1683), в осаде которой участвовал и Дука, в Молдавии снова вспыхнули волнения. Ими воспользовался молдавский боярин Петричейку Хыждэу, занявший престол после победы над княжескими войсками и изгнания Дуки в Польшу. В это время восстали и казаки против ставленника Дуки на Украине. Они избрали нового предводителя, Куницкого, который вместе с Петричейку участвовал в ликвидации войск Дуки и совершил мстительный набег на буджакских татар.¹ Изгнанный Дука умер в Польше.

Летописец Некулче повествует, что пойманного Дуку везли в ссылку в Польшу „на санях, в которые были впряжены всего две лошади, одна белая, другая гнедая, в простой упряжке, к его стыду и позору. И сыпалась на него ругань и брань, так что и он сам слышал. Доехав до Сучавы, в одном селе захотел он выпить молока. Хозяйка ответила ему тогда: «Нет у нас молока для раздачи, съел же господарь Дука всех коров страны: съели бы его никогда не засыпающие черви ада». Ведь не знала женщина, что это был сам Дука. Услышав ее слова, Дука стал стонать и горько плакать. Он ведь стремился... стать царем венгерской земли, сына же хотел сделать господарем в Молдавии, другого в Валахии, а зятя гетманом на Украине. На всё он смотрел свысока. Дворец свой, стол свой он содержал, как настоящий царь. И когда он выходил к народу, его взгляд был пасмурный, для устрашения людей. И вот как теперь отвезли Дуку в Польшу, где он и умер. Вот чего он добился по его же жадности к деньгам“.

Таковы вкратце сведения, оставленные молдавскими летописцами о господаре Дуке. Не расходится с мнением летописцев об этом господаре и характеристика, данная ему в первой половине XVIII века молдавским ученым Д. Кантемиром, известным союзником Петра I во время русско-турецкой войны 1711 года. Сведения, почерпнутые из перечисленных выше других источников, также говорят об огромных бедствиях, которым подвергалась Молдавия в период княжения Дуки, о разорении и опустошении страны. Наконец, глубоко запечатлелся Дука и в памяти народа. Он обложил всю страну чрезвычайным налогом: жители должны были платить в казну даже за дымоходы, отчего крестьяне перешли жить в землянки, либо принуждены были строить дома без труб. Полна гнева и горечи характеристика Дуки, сохранившаяся в молдавской народной песне:

Лист зеленый, лист терновый,
Правды нет у нас в Молдове.

¹ D. Cantemir. Istoria imperiului ottoman, v. I, стр. 406, сноска 16.

Разоренье нам принес
 Лютый зверь, кровавый пес,
 Лиходей, палач народа,
 Ненавистный Дука Вода.
 Он для сильных друг и брат
 А для слабых — супостат.
 Стал я бедным, стал я нищим,
 Нет ни хлеба, ни жилища,
 У меня, у сиротины —
 Лишь горшок пустой из глины,
 А земли — ни для скотины.
 Нет ни печки, ни огня,
 Пожалей ты, бог, меня.
 Убери подальше Воду,
 Чтоб вольней жилось народу.
 Пусть хоть черт возьмет, хоть бог,
 Чтоб легко вздохнуть я мог.¹

Таков образ молдавского господаря Дуки. От летописцев-бояр до трудового молдавского народа, от иностранных дипломатов до рядовых жителей сопредельных стран, — все в один голос осуждают Дуку как тирана, узурпатора, пришлеца, авантюриста, как лютого и ненасытного зверя.

Выведенная характеристика и сами события, связанные с Дукой, подтверждаются и литературной интерпретацией Александра Хыждэу и, частично, Болеслава Хыждэу. А содержание второй части исторической повести Александра Хыждэу таково.

После смерти Дабижи господарем Молдавии становится Дука. Используя женитьбу лишь для достижения своих целей, Дука сразу же изменяет жене, заводит при дворце гарем. „Он был жаден, как все тираны, и, подобно всем тиранам, он был развратным“. В частности, он преследовал армян, находившихся в Молдавии. Колонию армян в Яссах возглавлял некий Ованес Паскал. Преследуя армян, Дука вел себя, однако, обходительно по отношению к Паскалу. Причина тому — красавица Ханка, дочь последнего. Но Ханку любит военный начальник Хынкул. Однажды, удалив из столицы сердаря Хынкула, после ряда неудачных попыток овладеть Ханкой, Дука решает захватить ее силой. Но ворвавшихся в дом Паскала арнаутов (наемных солдат) встречает Хынкул. Не выполнив приказа господаря, арнауты отступили в страхе. В ту же ночь, убегая от мести господаря, старик Паскал и его дочь отправились в лагерь Хынкула. На следующий день господарь, при участии митрополита, начинает преследовать Хынкула как православного боярина, сблизившегося с еретичкой (католичкой). В стране распространяется слух о мнимом восстании боярина Хынкула. В своем лагере, вблизи Кишинева, Хынкул женится на Ханке и готовится к от-

¹ Песня „Фрунзе верде фой ускате“ („Лист зеленый, лист терновый“) записана в 1913 году: Tudor Pamfile. Cântece de țară București, 1913, стр. 272. Помещаемый здесь перевод принадлежит С. Г. Перову (Кишинев).

пору господарским войскам. В его лагерь сбежались и молдаване, и армяне. И для первых, и для вторых, — пишет А. Хыждэу, — эта война была одновременно „национальной и демократической“ войной против тирана. Через восемь дней у лагеря появилось войско господара Дуки, собранное поспешно и подгоняемое кнутом исправников. Это была толпа наемных греков и арнаутов. Хынкул всё откладывал выступление своих войск против господарского ополчения. В лагере находился предатель, капитан Рошка, который умертвил Хынкула. Войско Хынкула разбежалось. Сбежал в Галицию и Ованес с дочерью. С еще большей свирепостью стал княжить тиран и пришлец Дука.¹ „Пусть Дука веселится и торжествует, но и Молдавия не будет вечно страдать... Молчание неба страшно, как мертвая тишь на океане, как палящий зной солнца пред грозой. Вскоре должна решиться ужасная распря несчастного народа с счастливым злодеем. Еще немного — и судьба властителя-албанца решится... Еще немного — и он увидит, что иноземцы и деспоты не могут долго владеть у устьев Дуная“.

На исходе пятого года жестокого княжения Дуки в отдаленную пещеру монастыря Няму в рождественский сочельник к отшельнику Дионисию пришел неизвестный. „Святой муж! — обратился к Дионисию незнакомец, высокий ростом, с черной густой бородой, с лицом мрачным, в ляхской збруе, но с отличиями господарей молдавских. — Отечество в третий раз страдает от жестокостей Дуки. Скоро ли настанет время свободы и счастья, предсказанное Стефаном Великим?“. Дионисий взглянул на незнакомца, о котором дальше узнаем, что это был боярин Петричейку Хыждэу, перекрестился, раскрыл лежащую перед ним библию и медленно произнес: „Завтра день господень“. — „И это всё?“. — „Всё“. После этого разговора незнакомец удалился.

Несколько дней спустя Дука и его приближенные готовятся встретить новый год. За столом они получают известие, что супруга Дуки Дафна умирает. Это известие Дука принимает очень хладнокровно, и пир продолжается. К концу пира один из бояр поднимает бокал и в присутствии Дуки выпивает... за здоровье нового господара. Тут же появляется и сам Петричейку, выдвинутый руководителем мятежа против пришлеца. Дука был схвачен и отправлен в Польшу. Его везли на маленькой бричке. „В ней на полугнилой соломе лежал колодник в изодранном арнаутском плаще. На лице его отражалось сильное бремя страстей: месть и раскаяние, гордость и стыд. Он велел поднять себя, сел, бросил кругом дикий взгляд и громким, *властительским* голосом кликнул старуху, проходившую мимо с малым ковшом молока. «Дай мне молока утолить жажду!».— «Рада бы и сердцем и душою, бедный несчастливый! но клянусь совестью, что мои дети умирают с голоду, а я не смею разделить между ними сего молока. Ты, верно, и сам слышал о сребролюбии господара Дуки. Он разорил бо-

¹ Alexandru Hâs dău. Domnia Arnăutului. București, 1872.

гату Молдавию...». Старуха пристально поглядела на колодника и покачала головою. «Верно жертва клеветов Дукиных! Тебя сильно мучает жажда: лицо твое так изменилось. Боюсь греха отказать тебе. Подкрепи себя молоком; но если в сие самое время злой губитель пирует, то да превратится сладкий напиток в отраву для него!» — Колодник угрюмо молчал, принял дрожащею рукою ковш с молоком, выпил... и начал исходить кровию¹.

„Злопамятное предание хранит в Молдавии имя Дуки, и волох начинает и заключает рассказ о нем пословицею: *«мы не забываем добра, но помним и зло»*“.¹

Таково содержание исторической повести „Домния Арнэутулуй“, построенной, по уверениям автора, на основании устных преданий и летописи. Однако, как сказано было выше, повесть А. Хыждэу, бесспорно, является лишь интерпретацией народных и семейных преданий, сделанной писателем, почитавшим своих предков.

На литературную обработку указывают следующие романтические эпизоды, содержащиеся в этой второй части повести Хыждэу: таинственность монаха и мистицизм Петричейку, неожиданность свержения с престола тирана во время пира, неожиданное появление Петричейку, общая направленность повести против иноземных династий и вообще ее националистический дух, наличие в повести вымышленных лиц (Ованес Паскал, Ханка), любовная интрига и другое.

На элемент семейных воспоминаний в повести указывает, в первую очередь, выведенный слишком положительно образ Петричейку, выступающего здесь в качестве небесного посланника и спасителя отечества. Преждевременная смерть Хынкула, умерщвленного рукою предателя Рошки, также основана, повидимому, на семейных воспоминаниях, искаженных с течением времени. Молдавские документы и летописи дают сведения о пребывании в Молдавии в указанное время другого Рошки, имя которого, однако, вовсе не связано с Хынкулом-отцом. Возможно, что в преданиях, передававшихся в семье Хыждэу из поколения в поколение, эпизод о казни мало известного Дони постепенно исказился: его стали осмыслять как умерщвление самого Хынкула, того политического деятеля, с которым не ладил и прадед писателя, господарь Петричейку. И всё же, несмотря на указанные особенности и интерпретации автора, общее развитие повести совпадает со всеми общими местами указанных выше источников. Совпадает также и эпизод встречи сверженного тирана с крестьянкой, отказывающей ему в подаянии.

Всё это дает нам возможность, исчерпав основные источники, приступить к изложению гипотетического содержания легенды о Дуке в записи Пушкина.

Грек по происхождению, человек незнатного рода, Дука проявил себя на молдавском престоле гордым, жадным и жестоким господарем —

¹ „Вестник Европы“, 1830, № 22—23, стр. 183, 184—185, 192—193, 194, с дополнениями по указанному выше изданию 1872 года.

тираном, приведшим страну к полному упадку. Большими податями и беспрекословным подчинением страны турецким властителям Дука тяжело обременяет все классы общества. Жестокости господаря-пришлеца принуждают народ к бегству за границу, массовым вступлениям в ряды гайдуков. В конце 1671 года вспыхивает народное восстание, одновременно с противокняжеским выступлением боярина Хынкула. Повстанцы, в рядах которых намечались две линии политической ориентации (на Польшу и на Москву), принудили господаря покинуть Молдавию.

Однако, вернувшись в страну с войсками турок и татар, Дука жестоко расправляется с восставшими. Хитростью и бессердечностью Дука угрожает туркам, которые вверяли ему то престол соседнего валашского княжества, то правобережную Украину и, наконец, трижды молдавский престол. И бояре и крестьянство ненавидели его. Общему ухудшению положения в Молдавии способствовали также неурожай, зимование татар в Молдавии и транзитное положение страны.

Но тиранству Дуки пришел конец. Сторонник польской ориентации, молдавский боярин Штефан Петричейку (бывший союзник Хынкула в борьбе против Дуки), воспользовавшись победой над турками под Веней, вторгается из Польши в Молдавию, схватывает Дуку и отправляет его в Польшу. Общим в летописях и в повести XIX века является выразительный эпизод встречи изгнанного господаря-тирана с крестьянкой. Новым господарем Молдавии становится местный боярин, как и до княжения пришлеца, — Штефан Петричейку.

Таким образом, можно полагать, что главными эпизодами легенды являлись: притеснения со стороны Дуки, народные восстания, действия гайдуков, мятежи Хынкула, мстительная расправа тирана с восставшими, пленение Дуки Штефаном Петричейку, занятие престола местным молдавским боярином, изгнание господаря-тирана, встреча с крестьянкой.

Именно на такое содержание предания о Дуке указывают общие места изложенных выше источников.

Глубоко знаменательная сцена между поверженным господарем и крестьянкой является ярким воплощением мечты угнетенного народа о возмездии тирану. Сила впечатления достигается здесь тем, что бесчеловечный по жестокости тиран получает отмщение главным образом в психологическом плане. Довершает остроту сцены жалость женщины к бедному неузнанному колоднику, вчерашнему врагу народа. Именно этот полный драматизма эпизод, надо думать, и привлек в первую очередь творческое внимание Пушкина к этому молдавскому преданию.

5

Изложенная выше на основании молдавских источников возможная фабула обоих преданий представится правдоподобной и в том случае,

если подойти к ней с точки зрения творческих интересов Пушкина. Своей резкой направленностью против господаря-самодержца легенда о Дуке созвучна теме борьбы с „самовластительными злодеями“, пронизывающей всё предыдущее творчество поэта. Пример молдавского господаря-тирана лишний раз подтверждал мысль о том, что тиранов, подобно другим „увенчанным злодеям“ (Калигуле, Людовику, Наполеону и Павлу), ожидает бесславная гибель. Тема мощного народного восстания, вспыхнувшего в Молдавии в 1671 году в ответ на жестокую эксплуатацию крестьянства, также созвучна произведениям поэта, осуждавшим крепостничество. И действительно, от „Вольности“ и „Деревни“ до „Узника“, „Братьев разбойников“, „Кинжала“ и других произведений, до посланий, до неосуществленных замыслов и записанных современниками устных высказываний Пушкина — тема борьбы против самодержавия и крепостничества постоянно занимала вольнолюбивого поэта. В интересе Пушкина к данным молдавским преданиям выразилось одновременно и отрицательное отношение поэта к деспотизму, и его обличительные тенденции.

Чем именно определялась актуальность этих исторических преданий в молдавской среде в первые десятилетия XIX века? Одной из причин следует считать усилившуюся борьбу подневольного молдавского народа против своих поработителей. В 20-х годах XIX века, — в то время, когда восточная часть Молдавии, названная Бессарабией, уже была освобождена от турецкого ига и присоединена к России, — разгоравшаяся освободительная борьба в другой ее части находила выражение в литературе, восхвалявшей подвиги героев в тяжелой и неравной борьбе молдавского народа против турок и разоблачавшей господарей-тиранов. Всё это усугублялось и тем обстоятельством, что в Молдавии господствовали и свыше ста лет находились на престоле турецкие ставленники, греки-фанариоты. Советский историк характеризует господство фанариотов в Молдавии следующими словами:

„Фанариоты были орудием порабощения и эксплуатации народов, покоренных турками... Это было время окончательного политического упадка Молдавии, усиления крепостнического гнета и обнищания трудящихся масс. Главной задачей господарей-фанариотов и их администрации был сбор дани для турок и доходов для себя. Господари-фанариоты были по существу крупными откупщиками, которым за определенную сумму денег Порты отдавала княжество со всеми его доходами. Они в свою очередь раздавали отдельные статьи доходов на откуп более мелким откупщикам, частью тоже фанариотам, которые также наживались за счет усиленных поборов с населения.

„Господарь был окружен придворными, которые всё свое внимание обращали на удовлетворение его прихотей и увеличение своих доходов. Личный штат господаря и его приближенных был столь велик, что на него тратились суммы, подчас достигавшие половины доходов княжества.

„Фанариоты не были связаны с молдавским народом и были чужды ему. Большинство из них даже не знало молдавского языка“.¹

Молдаво-греческий антагонизм среди верхушечных слоев кишиневского общества особенно усилился после полного провала гетерии. Движение гетеристов воспринималось передовой Россией и Пушкиным не только как движение национально-освободительное, но и как начало всеобщего движения за раскрепощение крестьян, за упразднение привилегий и т. д. Что это действительно так, доказывают хорошо известные Пушкину намерения Ипсиланти до начала развертывания антитурецких военных действий, — намерения, о которых писал впоследствии и кишиневский знакомый Пушкина, фанариот Яковаки Ризо Нерулос.² Дело в том, что, по прибытии из Кишинева в Яссы, Ипсиланти в первую же ночь сообщил другому предводителю гетерии, Яковаки, свое твердое намерение возвестить прокламацией упразднение всех классовых привилегий в молдавском княжестве. Именно с такими мыслями выезжал Ипсиланти из Кишинева. Однако в Яссах, в среде бояр (фанариотов и молдаван), он вынужден был уступить их нажиму. Здесь через два-три дня после своего приезда, т. е. уже после 22 февраля 1821 года, Ипсиланти принимает решение отказаться от борьбы за социальные преобразования и ограничивает задачи гетерии национально-освободительной борьбой против турецких угнетателей.

По молдавским источникам, в запрутской Молдавии к греческому национально-освободительному движению примкнуло сначала подавляющее большинство населения и даже многие молдаване из Бессарабии. Один из отрядов гетеристов, сражавшийся затем в Скулянах, возглавлялся непосредственно бессарабским боярином князем Георгием Кантакузиным. (Вспомним, кстати, что последний, как это явствует из воспоминаний того же Липранди, был лично знаком с Пушкиным).

Горожане и крестьяне на первом этапе присоединялись к отрядам гетеристов неорганизованно. И первые и вторые рассчитывали, что свержение турецкого гнета положит конец их страданиям и улучшит их положение. В этот первый непродолжительный период движение молдавского крестьянства было использовано как крупным, стоявшим у власти боярством, так и оппозиционным боярством, мелким и средним (лишенным в княжестве политических прав). Именно боярство в целом возглавило формирование ополчений, сбор средств и т. д., которые только и составляли материальную основу движения, так как средства греков-гетеристов, как и количество их, были в итоге незначительными.

Однако по мере развития движения молдавские крестьяне ополчаются

¹ Н. В. Березняков. Турецко-фанариотский гнет в Молдавии. Сб. „Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков“, Кишинев, 1950, стр. 135.

² Jacovaky Rizo Néroulos. Histoire moderne de la Grèce depuis la chute de l'empire de l'Orient. Genève 1828, стр. 289.

против своих угнетателей — бояр. И когда стало общеизвестно, что царское правительство осудило гетерию, когда Александр I объявил греков бунтовщиками против „законного государя“, турецкого султана, — крупное молдавское боярство первым отказалось от гетеристов и, опасаясь мести турецких карательных отрядов, бежало в соседние прирубежные страны, главным образом в Бессарабию. Это известие и всё более угрожающие действия крестьян привели к решительному размежеванию классовых сил.

Вслед за бегством из княжества высших государственных сановников от гетеристов отмежевывается и среднее и мелкое боярство. Предводители их предпринимает даже предательские действия, призывая тайком турок „в помощь стране“ и обещая через своих представителей всенародную помощь против греков.

После ряда вооруженных столкновений с гетеристами и это второстепенное боярство отказывается от руководства многочисленными отрядами крестьян. Один только вид поднявшихся крестьян, собравшихся вокруг своих красных знамен, „знаков войны и смерти“, возбуждал у бояр страх, превосходивший их страх перед гетеристами и турками, — страх перед собственными крепостными.

Лишившись союзников, отряды гетеристов всё же продолжали мужественно сопротивляться карательным турецким войскам. Однако численное превосходство турецких регулярных войск заставило патриотов отступить. А затем греческое необученное войско было полностью уничтожено.

Спасшиеся от мести турок гетеристы на протяжении долгого времени взваливали вину за срыв движения исключительно на своих прежних союзников — на молдаван и валахов. Это было тем более естественно, что напряженные молдаво-греческие отношения среди верхушечных слоев этих народов имели уже тогда известную давность.¹

В доказательство указанных отношений можно было бы привести множество выдержек из молдавской летописной и художественной литературы.² Остановимся, однако, лишь на крупном произведении молдавского писателя Александра Белдимана „Трагедия, или, лучше

¹ Так, в середине XVIII века Ион Некулче посвящает грекам, находящимся в Молдавии, обличительную тираду (*Letopiseştele Moldaviei...*, т. II, стр. 229), созвучную высказываниям о греках и других молдавских книжниках XVIII века.

² Несдержанно издевается над греками консервативный поэт и драматург Василий Александри (1818—1890). Вот некоторые из драматических произведений В. Александри, в которых греки выведены всегда с отрицательной стороны: „Липиториле сатулуй“, „Боерь ши чокой“, „Деспот Водэ“, „Йоргу дела Садагура“, „Друмул де фер“ и др. Критикой системы образования при фанариотах заполняет свою комедию известный Константин Стамати (1786—1869), пьеса которого озаглавлена „Мать, барчук и учитель или как обучались молдавские барчуки при фанариотах“. Фарс Стамати включен в одноименный, изданный при жизни автора: *Muza Românească, Iaşi, 1868.*

сказать, печальные происшествия Молдавии после греческого восстания 1821 г.¹ В своей летописи Белдиман, с позиций крупного молдавского боярства, до мельчайших подробностей зафиксировал действия гетеристов в Молдавии и отношение к восстанию со стороны молдавского боярства.

В Скулянах, находясь в карантине, предводители гетеристов „ходили из дома в дом и, с пеной у рта, обрушивались на молдаван, рисуя их в самых темных красках и всячески позоря их. И за то, что молдаване не хотели объединиться с ними, они их проклинали от души... Ведь если бы молдаване присоединились к ним и не восставали, Царьград и Эллада уже давно были бы освобождены... От своего собственного счастья, от освобождения, они удирают, они, привыкшие терпеть рабство, тяжелое турецкое иго. Пусть же будет по их воле, если это животное состояние их удовлетворяет, но если нам попадется в руки крестьянин ли, думский ли боярин — на одном костре положим и турка и молдаванина“.²

Как видим, писатель-молдаванин сообщает в приведенной цитате антимолдавские высказывания греков. Многочисленнее и куда суровее его личные высказывания о всех гетеристах в целом и, в частности, о трех их предводителях — о Каравии,³ о Дуке⁴ и о Пендадеке, на которых, как помним, Липранди указывал как на лиц, рассказывавших Пушкину молдавские предания. Наиболее интересны сведения, приведенные Белдиманом о Пендадеке, т. е. о наместнике Ипсиланти в Яссах. Описывая время, когда оставшиеся в стране молдавские бояре уже предприняли переговоры с турками и определилась четко их оппозиция к гетеристам, и говоря о Пендадеке, перехватившем секретную почту молдавских бояр, Белдиман приписывает ему обвинительную речь перед собравшимися боярами следующего содержания: „Что означают ваши вражеские выступления? Какие после этого вы христиане и какого вы вероисповедания? Непонятно ли вам, что мы за веру поднялись, что в помощь нам стоит наиболее православный из императоров? Мы не можем допустить, чтобы Эллада находилась во вражеских руках, чтобы христиане томились под турецким гнетом. Вы же лишены человечности, и если вы преследуете христиан, включившихся с рвением в движение, то вы — враги православия“.⁵

На эту речь, по словам Белдимана, молдавские бояре, после некоторой растерянности, ответили, что освобождать Грецию надобно не в Молдавии, в которой грабежи и бесчинства не прекращаются, что

¹ Текст стихотворной летописи Белдимана включен в то же трехтомное издание летописей: *Letopiseþele Moldaviei...*, т. III, стр. 336—433.

² Там же, стр. 384—385.

³ Там же, стр. 341.

⁴ Там же, стр. 347.

⁵ Там же, стр. 354.

царь вовсе не стоит за повстанцев, которым следовало бы вообще покинуть Молдавию. Белдиман отмечает далее, что решение Пендадеки о замене молдавских должностных лиц гетеристами было им тотчас осуществлено. При этом из изложения Белдимана явствует, что гетеристы ополчились исключительно против бояр, а не против всего населения.

О несогласии Пендадеки с молдавскими боярами, впрочем, было известно и Пушкину. В своей „Заметке о Пендадеке“ поэт писал, что Пендадека был послан Ипсиланти в Яссы с тем, чтобы „успокоить беспорядки“, и что там „он нашел греков, притесняемых боярами; его находчивость и твердость спасли их. Он запасся снаряжением на 1500 человек, тогда как на самом деле у него было только 300. В течение двух месяцев он господствовал над Молдавией“ (XII, 191).

Если учесть и то обстоятельство, что в Кишиневе находились беженцы не только из Молдавского княжества, но и из Валахии, из княжества, где валахо-греческие напряженные взаимоотношения получили трагическую развязку в виде умерщвления руководителя пандуров Тудора Владимиреску, едва ли можно будет ставить под сомнение наличие антагонизма между представителями эксплуататорских классов молдаван и греков, бежавшими в Кишинев. О молдаво-греческом антагонизме говорят и русские свидетели этих лет — Вигель, Вельтман.¹

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в Кишиневе, городе, в котором в это время находился Пушкин и куда бежали наиболее крупные и реакционные бояре княжества, верноподанные и царю и султану, магнаты осуждали зачинщиков „бунта“, который принудил их к бегству и лишениям. Не оставаясь в долгу, греки, участники гетерии, в свою очередь обвиняли молдавское боярство в предательстве по отношению к делу, общему для всех народов, подневольных Турции.

В такой обстановке бытование в молдавской кишиневской среде легенд, указывавших на борьбу молдавского народа против иноземного гнета, и особенно против греков-фанариотов, было вполне естественным. Ссылка на исторические выступления против господрей-греков поддерживала пламя антигреческой настроенности молдавского боярства и даже усиливала его.

¹ Так, характеризуя Александра Стурдзу, Вигель писал: „... молдаван по отцу, он искренно любил соотечественников и всегда горячо за них вступался, забывая, что они враги его любезным грекам“ (Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. VI. М., 1892, стр. 130). О вражде молдаван к пришлым грекам говорит и А. Ф. Вельтман в своих „Воспоминаниях о Бессарабии“: „... в Кишиневе одни радовались успехам греков, другие проклинали греков, нарушивших тучную жизнь бояр в княжествах. Молдаване вообще желали успеха туркам и порадовались от души, когда фанариотам резали головы, ибо в каждом видели будущих господарей своих“ (цитируется по изданию: Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 118).

Это обстоятельство делает возможным любопытный вывод по поводу достоверности сведений Липранди. Если верить Липранди, „молдавские предания“, невыгодно освещавшие греков, пришельцев в Молдавию, были сообщены Пушкину греками-гетеристами. Повидимому, такое положение немислимо и нуждается в пересмотре.

6

Несмотря на общепризнанную точность воспоминаний Липранди в целом, мы полагаем, что сведения его о тех, кто сообщил Пушкину молдавские предания, не верны. Антигреческая направленность обеих легенд, и в особенности второй легенды, категорически опровергает утверждение Липранди о том, что эти лица были греками. Не могли же, в самом деле, греки-гетеристы воскрешать перед Пушкиным образ соотечественника, получившего проклятие от народа, над которым ему удалось властвовать. И греки-гетеристы 1820-х годов не могли этого делать, тем более из-за молдаво-греческого антагонизма, принявшего самые резкие формы именно после гетерии.

Однако дело еще и в том, что названные Липранди гетеристы — Каравия, Дука и Пендадека — были людьми, только что (во время гетерии или немного раньше) прибывшими в Молдавию. Об этом говорит и сам Липранди, утверждая, что Каравия и Пендадека были из Нежина, а Дука, о котором и молдавский писатель Белдиман говорит, что он „странствующий бродяга“, был родом из Албании. Впрочем, в „Заметке о Пендадеке“ и сам Пушкин писал, что в 1817 году Пендадека находился в Москве. Откуда же у них такая осведомленность в истории Молдавии? И какую радость доставляло Дуке так поносить свою фамилию?

Не греки, а, повидимому, сами молдаване сообщили Пушкину содержание молдавских преданий. В таком случае возникает вопрос: зачем понадобилось Липранди скрывать факт информирования Пушкина его современниками-молдаванами? Ключ к этому вопросу дают „Воспоминания“ Липранди, чья отрицательная роль в русском общественном движении всё более вскрывается советскими исследователями.¹

Дело в том, что Липранди едва ли особенно сочувствовал современному ему молдаванскому (да, впрочем, и греческому) передовому обществу Кишинева. А в этом обществе, как известно, находились не только реакционно настроенные Янку Руссу, Тодор Балш и другие,

¹ См., например, работу В. Г. Базанова „Владимир Федосеевич Раевский“ (М.—Л., 1949), в которой ставится под сомнение достоверность сведений И. П. Липранди, заметавшего следы увлечений своей юности. Исследователь пишет: „Всячески скрывая революционное прошлое 16-й дивизии и ее командира генерала Орлова, Липранди уверяет, что в Кишиневе не было «малейшей искры негодования на правительство». Но можно ли в данном случае верить Липранди?“ (стр. 51).

но и такие, лично знакомые и самому Пушкину, передовые люди, как писатели Стамати и Негруди, как масон князь Суццо. Молдавская молодежь, — писал, проговариваясь, тот же И. П. Липранди, — „увивалась“ за Пушкиным.¹ В 1824 году Воронцов доносил, что Пушкина следует убрать из Одессы и из Тирасполя, потому что его „почитатели“, „молодые бояре“, т. е. молдаване, и там смогут добраться до него и создать таким образом вместе с Пушкиным „скверное общество“.²

Об этом же свидетельствуют и воспоминания А. Ф. Вельтмана: „... живым нравом и остротой ума Пушкин вскоре покорила и внимание молдавского общества“.³

Из воспоминаний Липранди явствует далее, что именно он лично был не расположен к писателю Стамати. Известен отрывок, в котором он приписывает Пушкину злую насмешку над молдавским языком. Припомним здесь же этот отрывок, в котором содержится явный анахронизм, разоблачающий его автора. Однажды, — пишет И. П. Липранди, — Пушкин прервал чтение молдавским поэтом перевода французской пьесы на молдавский язык хохотом, по поводу отсутствия какой-либо гармонии в языке переводчика: „... Пушкин и слышать не хотел о гармонии языка и, обратясь к Стамати, сказал ему, что он очень хорошо делает, занимаясь литературой и в особенности не придерживаясь <того>, как это делают теперь запрутские, вводящие латинские и французские слова и вытесняющие из языка славянские...“.⁴

Действительность и само творчество поэта разоблачают и эти вымыслы Липранди.

Дело в том, что в 1821—1823 годах никакой ориентации на Запад в молдавском языке еще не было. Такая ориентация началась в Молдавии значительно позже, через добрых десять лет после пребывания Пушкина на юге.

Однако наиболее наглядным доказательством того, что Липранди в данном случае приписал поэту собственный отрицательный отзыв о молдавском языке, являются его высказывания по вопросам молдав-

¹ См. публикацию и комментарии М. Цявловского: Из воспоминаний И. П. Липранди о Пушкине. „Летописи Государственного литературного музея“, кн. 1, Пушкин, М., 1936, стр. 556.

² В своем донесении к Нессельроде от 28 марта 1824 года М. С. Воронцов писал:

„Удаление его <Пушкина> отсюда будет лучшая услуга для него. Я не думаю, что служба при генерале Инзове поведет к чему-нибудь, потому что хотя он и не будет в Одессе, но Кишинев так близок отсюда, что ничто не помешает его почитателям поехать туда; да и, наконец, в самом Кишиневе он найдет в молодых боярах и молодых греках скверное общество“ („Русская старина“, 1879, октябрь, стр. 292).

³ Л. Майков. Пушкин. 1899, стр. 121.

⁴ Летописи Государственного литературного музея, кн. 1, Пушкин, 1936, стр. 557.

ского языка в целом. Оказывается, сам Липранди занимался вопросом об ориентации молдавского языка на Запад, но значительно позже 1821—1823 годов.

Липранди писал в 1866 году: „Не с большим тридцать лет тому назад, как молдо-валахи, начав сближаться с Западом, стали производить себя от римлян и переделывать как изображения букв, так и носившиеся с незапамятных времен названия славянские и начали писать ныне, вместо остров—инзула, вместо любовник—амурезу; гура—монтаина и т. п.; но к народу это еще туго прививается, и он сохраняет прежние названия“.¹ Это свое замечание Липранди дополнил сноской: „Я мог бы сказать многое по сему предмету, но здесь было бы это неуместно. Несколько лет тому назад у меня были приготовлены статьи, под заглавием «Об усилении молдо-валахов произвести себя от римлян», но я оставил их не напечатанными“. В недавно напечатанных дополнениях к тем же воспоминаниям Липранди указывает периоды политической и культурной ориентации Молдавии. И это его (впрочем, верное) указание говорит о том, что в 1823 году Пушкин не мог ни хвалить, ни хулить молдаванина Стамати за его, самим Липранди выдуманное, отношение к французским словам в молдавском языке. „В то время <т. е. в 1823 году>, — пишет Липранди, — Париж не был еще так знаком молдаванам, как это ныне <т. е. в 1866 году>. До Букарестского мира «Киблой» <идеалом> их была Россия; потом, благодаря нашей дипломатии . . . , Вена сделалась их предметом; а с 1830 года—Париж“.²

Следовательно, именно Липранди осуждал ориентацию молдавского языка на Запад, но мог делать это, по собственному признанию, во всяком случае, после 1830 года.

Если Липранди решился приписать это свое более позднее мнение Пушкину, то можно ли верить ему, когда он в том же абзаце воспроизводит, как подлинное мнение Пушкина, мнение о неблагозвучности молдавского языка, что, как мы знаем, не соответствует действительности?

Лживость сведений Липранди о взаимоотношениях Пушкина с передовым молдавским обществом Кишинева обнаруживается в том месте его воспоминаний, в котором он объясняет, что свое отрицательное отношение к молдавскому народу гуманный поэт заимствовал именно

¹ Русский архив“, 1866, № 10, стб. 1482. — Заметим, кстати, что здесь, как, впрочем, и в других своих лингвистических наблюдениях над молдавским языком, мемуарист допускает ошибки: по-румынски и молдавски писалось и пишется *insula*, *инсула* — не *инзула*; *монтаина* является, конечно, вымыслом самого Липранди.

² Летописи Государственного литературного музея, кн. 1, 1936, стр. 555. — К приведенному тексту И. П. Липранди опять напрашивается поправка: если слово „кибла“ правильно прочтено в рукописи Липранди, то этим существительным, иронически взятым в кавычки, мемуарист хотел посмеяться над молдавским словом „пилда“ (пример), произношение которого успел забыть.

от него, Липранди. Не без гордости пишет и П. И. Бартенев, со слов Липранди, что именно под влиянием последнего „в отношении к молдаванам-боярам, первым лицам местного населения, Пушкин не умел иногда скрывать чувств своего превосходства и не в силах бывал также удержаться от врожденной ему русской насмешливости“.¹ А вот и слова самого Липранди: „Можно почти утвердительно сказать, — писал Липранди, — что после сего (после отрицательного отзыва мемуаристов о молдаванах, — Г. Б.) Пушкин начал смотреть на них с более верной точки зрения и так сообразовать свой образ обращения с ними“.²

Эта ненависть Липранди ко всему молдавскому могла выразиться не только в подтасовке, не только в приписывании Пушкину своих же собственных взглядов, но и в форме тенденциозного замалчивания. Повидимому, именно эта его антимолдавская великодержавная настроенность является причиной того, что он скрыл от потомства факт информирования Пушкина молдавскими культурными деятелями.

Кто же из числа знакомых Пушкину молдаван в Кишиневе мог в то время сообщить ему эти сведения из истории Молдавии — о народном выступлении против господяра, тирана и пришлеца? Можно предположить, что такими лицами были, во-первых, известный молдавский писатель Константин Стамати (1786—1839) и, во-вторых, кто-либо из семьи Кантакузиных (может быть, Георгий Кантакузин?) или из родственников Александра Хыждэу, рассказы которых могли послужить источниками и для повести молдавского писателя.

Наше предположение основывается на том, что отдаленные предки именно этих трех лиц были в некоторой мере участниками событий, сохранившихся в преданиях. По летописям известно, что именно боярин Стамати или Кантакузин были приближенными господяра Дабижи и что с молдавского престола сместил Дуку Штефан Петричейку Хыждэу. В обоих случаях деятельность этих предков, в передававшихся семейных воспоминаниях, выглядела крайне положительно по сравнению с Дукой.

Можно, конечно, допустить, что Пушкину эти легенды были рассказаны и другими его знакомыми из числа молдаван, имена которых пока не установлены (может быть, кто-либо из потомков боярина Хынкула, память о котором в начале XIX века прочно сохранялась в народе, как сохраняется и по сей день).³ Можно также допустить, что

¹ „Русский архив“, 1866, № 8—9, стб. 1156.

² То же, № 10, стр. 1423.

³ „Имя Хынкуловых осталось в памяти людей с тех пор <1671> и по сей день“, — писал в первой половине XVIII века молдавский летописец И. Некулче; в 1820 году в одной из своих деловых бумаг управляющий монастыря Хынку уверял, что „собственноручно Михалча Хынкул никогда не подписывался. Он поступал по обычаю господярей, так как и сам он являлся для Лапушнянской волости настоящим господярем, как об этом, впрочем, все знают“ (A. V. Sava. Documente privitoare la târgul și ținutul Lăpușnei, București, 1937, стр. 142).

легенды могли быть сообщены Пушкину и жившими в Кишиневе армянами; на это предположение нам дает право наличие образов Паскала и его дочери в повестях братьев Хыждэу.

Как бы то ни было, если предложенное выше гипотетическое содержание молдавских легенд соответствует записям Пушкина, то великому поэту, нашедшему и в истории молдавского народа примеры борьбы против господя-тирана, против иноземной династии и пример мощного народного восстания, эти легенды сообщили, конечно, не греки, на которых указывал Липранди, а безусловно либо армяне, либо — и это более достоверно — сами молдаване.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ш У ШШ Ж Ш Ш
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

ТРУДЫ ТРЕТЬЕЙ ВСЕСОЮЗНОЙ
ПУШКИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - 1953 - ЛЕНИНГРАД